DOI: 10.17976/jpps/2021.01.07

В ПОИСКАХ ИСТОКОВ МНОГОНАЦИОНАЛЬНОГО ФЕДЕРАЛИЗМА

А.Н. Мочалов

МОЧАЛОВ Артур Николаевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права, Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, email: artur.mochalov@usla.ru

Мочалов А.Н. В поисках истоков многонационального федерализма. – Полис. Политические исследования. 2021. № 1. С. 94-109. https://doi.org/10.17976/jpps/2021.01.07

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00697. Автор выражает признательность за содержательные рекомендации профессору А.-Г. Ганьону (г. Монреаль, Канада), профессору Ф. Палермо (г. Больцано, Италия), профессору Б. Ароре (г. Нью-Дели, Индия), профессору К.К. Суан Хаусингу (г. Хайдарабад, Индия) и профессору Н. Стейтлеру (г. Кейптаун, Южно-Африканская Республика).

Статья поступила в редакцию: 04.09.2018. Принята к публикации: 16.10.2020

Аннотация. В статье представлена авторская позиция по вопросу происхождения и политико-правовой природы многонационального федерализма. Опираясь на российские и зарубежные исследования по теории демократии, а также проблемам национализма и этнической идентичности, автор приходит к выводу, что многонациональный федерализм является закономерным результатом развития концепции государства-нации. Будучи ответом на вызовы регионального этнического национализма, федерализм позволяет создать институциональную структуру, при которой регион концентрированного проживания культурно обособленной общности получает ограниченную государственность, но при этом остается под суверенитетом более крупного государственного образования (федерации). В результате представители этнической группы, составляющие региональное большинство, но являющиеся меньшинством в масштабах страны, получают дополнительные возможности не только для реализации своих культурных прав, но и для политического участия в решении публичных дел, особенно на уровне своего субъекта федерации. Сам же такой субъект в рамках националистического дискурса вполне может рассматриваться как подобие государства-нации, а образующий его обособленный в культурном отношении территориально-политический коллектив – как "внутренняя нация". Многонациональность, по мнению автора, представляет собой неклассическую форму государственности, альтернативу концепции государства-нации. Она исходит из того, что национальная идентичность человека не может быть статичной, она подвижна и может приобретать множественный характер. Государство с этой точки зрения не тождественно нации; оно может включать в себя несколько "внутренних" наций. Многонациональный федерализм создает условия для многоуровневого гражданства и многоуровневой гражданской и национальной идентичностей. Автор полагает, что российский федерализм следует также переосмыслить, акцентировав внимание на развитии его демократического потенциала.

Ключевые слова: многонациональный федерализм, этнический федерализм, этничность, национализм, идентичность, государство-нация, нация, дискурс, демократия, меньшинства.

ВВЕДЕНИЕ

Многонациональный (или этнический) федерализм[1] на протяжении последних десятилетий остается одной из наиболее обсуждаемых тем в отечественной федералистике и при этом – одной из самых неоднозначных. Его изучение в большинстве случаев связано с поиском ответа на вопрос, должны ли существовать в составе Российской Федерации "этнические" субъекты. Высказываются кардинально противоположные мнения. Авторы, постулирующие в качестве основного тезиса "сохранение самобытности народов России" и *status quo* "этнических" регионов, считают наличие таких субъектов необходимой гарантией культурного многообразия и защиты интересов этнических групп [Абдулатипов, Михайлов 2014; Болтенкова, Рябова 2016]. Ряд ученых рассматривают этнический федерализм как форму самоопределения этнических групп [Фарукшин 2017; Хабриева 2010].

Другие авторы акцентируют внимание на укреплении территориальной целостности России, в связи с чем приходят к убеждению о необходимости отказаться от этнического (национального) принципа федеративного устройства [Авксентьев, Васильченко 2013; Старостина 2016]. В нем они видят фактор этнизации власти, разгула этнического фаворитизма и угрозы единству страны. Критика этнического федерализма получила мощную поддержку со стороны последователей конструктивистской школы, ставящих под сомнение наличие у этнических групп коллективных прав, в том числе права на самоопределение [Мартьянов 2011; Филиппов 2003]. Опираясь на тезис (впрочем, весьма уязвимый) о теоретической несвязанности индивидуальных культурных прав, обусловленных этнической принадлежностью человека, и территориального устройства государства, конструктивисты полагают, что федерализм "эссенциализирует этничность", переводя неустойчивые во времени и не имеющие четких границ "статистические совокупности" людей в разряд коллективных субъектов политического действия.

Увлекаясь решением прикладных задач, отечественные ученые, как правило, обходят стороной вопрос о природе многонационального федерализма и его происхождении. В результате в обществоведческих науках утвердилась довольно узкая этнократическая трактовка данного явления, часто характеризуемого в терминах "советского наследия". Критика – порой заслуженная – советской и российской моделей федеративного устройства нередко экстраполируется на многонациональный (этнический) федерализм вообще и используется в качестве доказательства его несостоятельности [Авксентьев, Васильченко 2013; Филиппов 2003]. Такая трактовка не только оставляет вне поля зрения канадский, швейцарский, индийский, бельгийский и другие не связанные с "советским прошлым" федерализмы, но и приводит к крайне спорному выводу, что в "успешных" федерациях границы между субъектами непременно должны конструироваться в отрыве от территорий проживания населяющих страну народностей, языковых и религиозных групп.

В западной политологической и конституционно-правовой литературе многонациональный (этнический) федерализм тоже занимает далеко не

[1] В литературе термины "этнический федерализм", "национальный федерализм", "многонациональный федерализм" обычно используются как синонимы. Далее я поясню, почему и в каких ситуациях термин "многонациональный федерализм" видится более предпочтительным, пока же буду употреблять эти термины в качестве равнозначных.

последнее место в исследовательской повестке (примечательно, что российский федерализм представлен в зарубежных сравнительных исследованиях значительно скромнее, чем, например, канадский, индийский или бельгийский). Среди представителей зарубежной науки также встречаются как те, кто настроен по отношению к этническому федерализму скептически или по крайней мере сдержанно [Anderson 2016; Erk, Anderson 2009; Horowitz 1985], так и те, кто видит в нем наиболее логичный способ территориальной организации государств, имеющих выраженное разделение на этнотерриториальные сегменты [Gagnon 2014; Kymlicka 2001; McGarry, O'Leary 2007]. Кардинальное отличие от российского исследовательского ландшафта состоит в том, что в западной литературе многонациональный федерализм оценивается не с этнократических, а с демократических позиций, в том числе с точки зрения его способности выступать инструментом демократического урегулирования межэтнических противоречий, встраивания (аккомодации) меньшинств в структуру государства, их вовлечения в функционирование институтов публичной власти. Разработанная Р. Далем [Dahl 1983], А. Лейпхартом и другими влиятельными теоретиками концепция демократического федерализма применительно к сложносоставным обществам получила развитие в более поздних работах специалистов по многонациональным федерациям [Burgess 2012; Hechter 2001; Keating 2001; Watts 2007].

Демократическая интерпретация многонационального федерализма в известной степени представляет собой альтернативу его этнократическому пониманию и требует иных подходов к определению его исторических истоков и идейных оснований.

МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ ИЛИ ЭТНИЧЕСКИЙ?

Начать разговор следует с важного терминологического замечания. В литературе, как правило, не проводится различия между категориями "этнический федерализм" ("этнофедерализм"), "национальный федерализм", "многонациональный федерализм". Выбор в пользу того или иного термина считается делом вкуса конкретного исследователя и редко выступает предметом специального обсуждения. Отсутствию единого подхода к терминологии обычно не придается значения: применительно к трудам ученых, работающих на постсоветском пространстве, оно часто списывается на распространенное еще с советского времени "этническое" понимание нации. Однако "терминологический хаос" (как это охарактеризовал Уолкер Коннор) присущ не в меньшей степени и западной науке [Barrington 1997: 712; Connor 1994: 89-117]. Выражения "этнический федерализм" (*ethnic federalism*) [Anderson 2016; Erk, Anderson 2009], "многонациональный федерализм" (*pluri-national federalism*) [Keating 2001], "мультинациональный федерализм" (*multinational federalism*) [Burgess 2012; Watts 2007] используются различными зарубежными авторами как очень близкие и даже тождественные по смыслу.

В поисках выхода из лабиринта понятий необходимо вновь обратиться к не раз поднимавшемуся в литературе [Barrington 1997; Connor 1994; Kymlicka 2001; Альтерматт 2000; Семененко 2015; Тишков 2003; 2009] вопросу о соотношении таких категорий, как нация и этническая группа (этническая общность).

То, что "этническое" и "национальное" принадлежат разным категориальным полям, в современной науке вряд ли ставится кем-то под сомнение. Этнические группы понимаются как общности, базирующиеся прежде всего на культурной самоидентификации индивидов. В отличие от других культурных общностей они объединяют людей, принадлежащих нескольким поколениям и разделяющих не только общие элементы культуры, но и миф об общем происхождении, придающий членам группы чувство солидарности [Дробижева 2001: 170; Як 2017]. Инструментом сплочения этнической группы выступает этническая идентичность, вбирающая в себя широкий спектр различных видов социально-культурной идентификации (язык, религия, происхождение и т.д.) [Ethnicity... 1975: 18], хотя и не сводящаяся к какому-то одному из них. В современных интерпретациях термин "этничность" часто приобретает предельно широкое значение, охватывающее собой все типы более-менее устойчивой межпоколенческой культурной идентификации на основе исторической памяти (о многообразии подходов к пониманию этничности см. [Семененко 2015; Тишков 2003: 95-111; 2016]). В противоположность этнической группе нация не может быть осмыслена вне политического контекста. Как заметил Э. Хобсбаум, она "есть социальное образование лишь постольку, поскольку связана с определенным типом современного территориального государства, с 'нацией-государством'" [Хобсбаум 1998: 19]. Нация не является ни синонимом этнической группы, ни ее разновидностью, ни ступенью в ее эволюции. Нация – качественно иная общность, "государственно-территориальная и политико-правовая" [Тишков 2009: 34].

Парадокс состоит в том, что разделение национального и этнического, столь очевидное в аналитических построениях, в реальности оказывается непростой задачей, если вообще возможной. Несмотря на очевидные различия, нации и этнические группы имеют довольно много схожих черт. Как те, так и другие обычно связаны в представлениях людей с определенными географическими территориями и предполагают культурную общность своих членов. Будучи "воображаемыми сообществами", они формируют в индивидуальном сознании устойчивые наборы маркеров, задающих условные границы "своей" нации или этнической группы. Воспроизводясь в повседневных практиках на протяжении нескольких поколений, данные маркеры обеспечивают относительную стабильность общности во времени, узнавание и признание ее членами друг друга; олицетворяют коллективное "мы". Все это позволяет широко использовать в конструировании национальной идентичности мифы, символы и ценности, изначально принадлежащие области этнического. Причем этнические маркеры нередко приобретают для национальной идентификации ведущее значение. В результате эти два типа идентичностей могут соприкасаться, пересекаться, дополнять, а иногда – вопреки теоретическим построениям – подменять друг друга или сливаться в конгломератную этнонациональную идентичность.

В свете сказанного заслуживает внимания взгляд на национализм как дискурсивную практику [Пушкарева 2017; Як 2017]. В различных ситуациях в зависимости от исторического и социально-политического контекста в символическом пространстве национальной идентичности могут доминировать различные ценности, смыслы и идеи, в том числе те, которые имеют "этническое" происхождение. И.С. Семененко приходит к выводу, что само понятие

нации в зависимости от контекста получает разные трактовки, особенно в культурно неоднородных обществах [Семененко 2015: 95].

Таким образом, использование прилагательных "этнический", "национальный", "многонациональный" применительно к федерализму вряд ли можно считать простым следствием терминологической путаницы в текстах отдельных исследователей. Причина сложившейся ситуации лежит гораздо глубже. Распутывая терминологический клубок, мы не можем обойти стороной концепцию государства-нации, которая служит отправной точкой для понимания того, что есть "национальное". Именно эта концепция в конце XVII в. задала своего рода "золотой стандарт" государственности и определила вектор развития представлений о государственной территории и ее структуре на последующие два века. Поэтому ее анализ поможет приблизиться к ответу на вопрос о природе и происхождении многонационального (этнического) федерализма. Впрочем, даже беглого знакомства с государством-нацией уже достаточно, чтобы еще раз убедиться в том, что границы между национальным и этническим весьма подвижны и условны.

Государства-нации и "безгосударственные нации"

Большинство исследователей национализма – в какой бы парадигме они ни работали – сходятся во мнении, что едва ли не каждое современное государство-нация формировалось не с чистого листа, а на базе определенного культурно-этнического субстрата [Connor 1994; Альтерматт 2000; Андерсон 2016; Брубейкер 2012; Геллнер 1991; Хобсбаум 1998; Як 2017]. Суть политического проекта государства-нации можно описать как помещение некоторого территориального сообщества людей, принадлежащих одной культуре (или по крайней мере близким друг другу культурам) в политико-правовое лоно государства с наделением данного сообщества свойствами коллективного субъекта (народа), выступающего в границах государства носителем суверенной власти и источником ее легитимности.

Э. Хобсбаум делает любопытное наблюдение: в старых европейских словарях слово "нация" определялось как общность рода, происхождения, т.е. имело именно этническое значение, и лишь с распространением идей Французской буржуазной революции появилась гражданская трактовка нации как "великой солидарности" (Э. Ренан), "совокупности граждан, чей коллективный суверенитет образует государство, представляющее собой реализацию их политической воли" [Хобсбаум 1998: 34]. Но и "гражданские" нации никогда не были индифферентны культурным различиям: культурная гомогенность продолжала рассматриваться в качестве их необходимого состояния [Альтерматт 2000: 127; Геллнер 1991: 108; Малахов 2011; Ян 2000: 117]. Поэтому к началу XX в. "все более важными, решающими (и даже единственными) критериями национальной государственности становились этнос и язык" [Хобсбаум 1998: 163], а национализм выступил "теорией политической законности", означающей, что "этнические границы не должны пересекаться с политическими" [Геллнер 1991: 24].

Неотъемлемым атрибутом любого государства-нации является территория. Причем ее роль двояка. Во-первых, с политико-правовой точки зрения она служит пространственным выражением суверенитета народа. "Принадлежность" государственной территории определенной политически

организованной общности лежит в основе Вестфальской системы мироустройства [Moore 2004; Палермо 2017]. Во-вторых, территория, занимаемая нацией, рассматривается как ареал распространения ее культуры, осмысленное культурное пространство [Тишков 2003: 286, 296], включающее в себя "осязаемые этнокультурные ориентиры", с помощью которых утверждается потребность национального самостояния [Семененко 2013: 119]. Политико-правовая и культурная ипостаси территории создают для государства "абсолютное пространство", выступающее важной предпосылкой для политического самоопределения нации и поддержания ее групповой идентичности [Murphy 1989: 414; Як 2017: 124]. Безусловное моральное и юридическое право нации не только осуществлять политический контроль над "принадлежащей" ей территорией, но и распространять на нее свой "культурный суверенитет", долгое время выступало в качестве общепризнанного стандарта [Малахов 2011].

В действительности практически ни одно государство не было однородным в культурном отношении. В большинстве стран существовали регионы или местности концентрированного проживания относительно обособленных групп, оказавшиеся в ситуации культурных меньшинств[2]. Инаковость таких групп, по тем или иным причинам (например, в силу значительной численности или географической изоляции) не поддавшихся приведению в соответствие с национальным культурным образцом и не желавших мириться с уготованным им подчиненным статусом, все чаще оборачивалась "этническим противостоянием культурным проектам национальных государств" [там же: 89] как реакцией на ассимиляционистское давление или угнетение (реальное или воображаемое) со стороны последних [McGarry, O'Leary 2007; Хобсбаум 1998: 161-173].

Этничность, облекаясь в националистический дискурс, становилась ключевым ресурсом политической мобилизации местного населения и конструирования национального самосознания этнических групп, которые прежде не проявляли интереса к государственным формам социальной организации. Обретение статуса "нации" рассматривалось ими как естественный путь к преодолению подчиненного положения и сохранению идентичности, поскольку только будучи "нацией" такая группа имела возможность вступать в отношения с другими нациями на равных. Культурно-этнические движения меньшинств стали преобразовываться в национально-политические, сопровождающиеся требованиями создания собственного национального государства [Ян 2000: 116], поскольку, как заметил Э. Хобсбаум, именно государство представляло собой тот самый механизм, "который непременно следовало пускать в ход для того, чтобы превратить 'национальность' в 'нацию'" [Хобсбаум 1998: 153]. Так возникают фламандский и ирландский, позднее каталонский, баскский, шотландский, валлийский, квебекский и другие национализмы.

Таким образом, в границах одного государства могло возникнуть несколько конкурирующих национализмов: во-первых, официальный государственный национализм и, во-вторых, национализм меньшинств, рассматривающих себя в качестве *потенциальных наций* (называемых в западной литературе также "безгосударственными нациями", "внутренними нациями", "малыми нациями", "побочными нациями" [Connor 1994; Gagnon 2014; Keating 2001; Kymlicka

[2] Термин "меньшинство" появился в политическом и правовом лексиконе в начале XX в.

2001; Watts 2007]). Вряд ли существуют раз и навсегда заданные критерии, по которым можно было бы провести четкую границу между территориально концентрированными культурными общностями, даже выдвигающими определенные политические требования, и "безгосударственными нациями". Отличия между ними ситуативны, в чем-то даже иллюзорны (что, впрочем, совершенно не дает поводов говорить об их надуманности), а восприятие той или иной территориально обособленной группы в качестве общности не просто культурной, а культурно-политической, складывается в конкретном социальном и историческом контексте и зависит от многих факторов. "Безгосударственные нации" воспроизводят в представлениях людей те же признаки, что и "большие" нации, за исключением наличия собственного суверенного государства; его отсутствие рассматривается с точки зрения "безгосударственных наций" как следствие случайного стечения обстоятельств и исторической несправедливости. Очевидно, что далеко не все, но лишь некоторые культурно отличительные общности предпринимают выраженные попытки "стать нациями" [Геллнер 1991: 111] или добиваться официального признания своей идентичности, что в конечном счете и обусловливает их характеристику как "безгосударственных наций".

В литературе национализм меньшинств часто характеризуется как "этнический" и порой противопоставляется государственному. Действительно, будучи реакционным и в чем-то враждебным по отношению к государственному, национализм "безгосударственных наций" обычно отличается повышенным радикализмом и сепаратистским уклоном, придавая решающее и даже абсолютное значение этнической принадлежности членов "нации". Такой национализм всегда рассматривался – причем не без оснований – как представляющий серьезную угрозу Вестфальской миросистеме [Moore 2004: 1320-1321], ведь территория, которую этническая группа намеревается объявить своим "национальным" государством, уже является "принадлежностью" определенной нации, и на нее распространяется суверенитет соответствующего государства. Признание права этнической группы, объявившей себя "нацией", контролировать территорию, которую она считает "своей", легитимировало бы аналогичные притязания со стороны других групп, что привело бы к череде сецессий и территориальных споров. Поэтому противодействие национализму меньшинств рассматривалось на протяжении всей эпохи Модерна как проявление естественного права и обязанности всякого государства защищать нацию и "принадлежащую" ей территорию не только от внешнего вторжения, но и от внутреннего сепаратизма.

Стоит, однако, заметить, что "безгосударственные нации" нельзя воспринимать как аномалию. Как и государства-нации, они стали закономерным следствием национализма и продуктом националистического дискурса, центральным вопросом которого всегда оставался вопрос о том, какой нации "принадлежит" государство [Альтерматт 2000]. Националистический дискурс меньшинств повторял риторику "больших наций" и опирался на ранее сформулированные ими моральные основания. Поэтому и этнический национализм меньшинств, и государственный национализм (как правило, тоже не лишенный этнических черт) имеют одинаковую природу и подчиняются одним и тем же закономерностям [Connor 1994: 69; Брубейкер 2012: 245-253].

В XX в., особенно после Второй мировой войны, утвердилось понимание, что подчинение инокультурных общностей вопреки их воле интересам той или иной нации вступает в противоречие с принципами демократии и верховенства права. Государство, объявляющее себя демократическим, более не могло придавать абсолютный приоритет императивам государственного единства и целостности территории, пренебрегая при этом интересами культурных меньшинств и попирая права тех, кто им принадлежит. Кроме того, стало очевидно, что практики "нациестроительства", основанного на принудительной ассимиляции или аккультурации, далеко не всегда приводили к формированию культурно однородных наций, а, напротив, делали межкультурные расколы еще сильнее (как это произошло, например, в Бельгии или Испании). Многие страны вступали в постнационалистическую эру, начавшуюся приблизительно с 1960-х годов, имея глубокие размежевания по этнотерриториальным линиям.

Постепенно значительная часть государств стала более терпимо относиться к присутствию в своем составе территориальных сегментов с культурно обособленным населением. Вся вторая половина XX в. ознаменовалась возрастанием интереса к так называемым правам меньшинств и механизмам урегулирования межэтнических конфликтов, а также появлением большого числа теоретических концепций, предлагающих способы организации демократического сосуществования в одном государстве различных сегментов, где меньшинство не подчиняется большинству, а власть большинства конституционно ограничена в интересах меньшинств. Взоры ученых и политиков все чаще обращались в сторону федерализма.

МНОГОНАЦИОНАЛЬНЫЙ ФЕДЕРАЛИЗМ КАК ОТВЕТ НА ПРИТЯЗАНИЯ "БЕЗГОСУДАРСТВЕННЫХ НАЦИЙ"

Вопреки ожиданиям Э. Геллнера и других влиятельных мыслителей, закат эпохи Модерна не привел к утрате привлекательности национализма и националистического дискурса. Напротив, с размыванием национально-государственной идентичности и ослаблением роли национальных государств в конструировании политических и культурных ценностей наступил "ренессанс этничности", одним из проявлений которого стал дальнейший рост национализма среди меньшинств [Альтерматт 2000: 203; Малахов 2011: 89; Семененко 2015: 92; Семененко, Лапкин, Пантин 2010: 41-42]. Для смягчения противоречий и разрешения конфликтов требовались инструменты, которые позволяли бы достичь компромисс: с одной стороны, хотя бы частично удовлетворить территориальные притязания "безгосударственных наций" и тем самым смягчить градус политической напряженности; с другой – сохранить территориальную целостность государства. Мировой политический опыт подсказывал, возможно, единственное демократическое решение, позволяющее достичь этих целей одновременно – федерализм, смысл которого в том и состоит, чтобы согласовывать интересы всего государства с интересами региональных сообществ. Изменится ли что-то, если одно или несколько таких сообществ оказываются выкрашенными в "этнические" цвета?

Роберт Даль, формулируя концепцию демократического федерализма, резонно заметил, что, если в условиях централизованного управления меньшинства, концентрированно проживающие в регионах, вынуждены подчиняться

воле общегосударственного большинства, то в условиях федерализма (при условии соблюдения демократических принципов) "общенациональное большинство не может превалировать над меньшинством, составляющим большинство в одной из наделенных конституционными привилегиями местных единиц" [Dahl 1983: 100]. Преобразуя группы, составляющие меньшинство в масштабах государства, в локальное большинство, федерализм в русле традиций классической мажоритарной демократии обеспечивает соответствие решений, принимаемых региональными органами власти, интересам этого локального большинства, и при этом гарантирует, что голоса меньшинств не растворятся в голосах общенационального большинства [Kymlicka 2001: 93; Палермо 2017: 56-57].

Такой подход в определенной степени противостоит встречающемуся в работах ряда отечественных авторов "группистскому" пониманию этнического федерализма. Бенефициарами федеративных инструментов в данном случае выступают не только сами меньшинства как группы (хотя, бесспорно, федерализм является значимой гарантией сохранения их идентичности), но и – причем даже в первую очередь – лица, принадлежащие меньшинствам, которые получают больше возможностей для реализации своих индивидуальных культурных прав и участия в процессах принятия решений, непосредственно затрагивающих их интересы.

Создавая институциональный каркас, в котором большинство и меньшинства получают возможность вступать в отношения друг с другом в качестве равных [Gagnon 2014: 73, 78], федерализм позволяет решить сразу несколько задач. Во-первых, наделение региона проживания культурно обособленной общности статусом субъекта федерации или национально-территориальной автономии означает предоставление ему права самостоятельно решать определенные вопросы – прежде всего в сферах, являющихся ключевыми для поддержания национальной идентичности соответствующей группы (использование языков, культура, образование, охрана окружающей среды, регулирование традиционных для региона отраслей хозяйства и т.д.). Во-вторых, поскольку федерализм не исчерпывается одной лишь децентрализацией властных полномочий, а предполагает участие политико-территориальных единиц государства в выработке решений на федеральном уровне (в том числе путем направления представителей в парламент, назначения части судей верховного суда), получивший определенную самостоятельность "этнический" регион не обособляется от остальной части государства и не исключается из сферы принятия общегосударственных решений. Тем самым создаются условия для предотвращения маргинализации "безгосударственных наций" и смягчения их требований предоставления полного суверенитета [Hechter 2001: 146]. В-третьих, федеративный принцип территориальной организации государства означает невозможность одностороннего изменения статуса субъекта федерации по решению центрального правительства. Благодаря этому региональные культурные общности получают конституционные гарантии сохранения территориального самоуправления в будущем [Moore 2004: 1337].

Тенденция децентрализации и федерализации государств с предоставлением регионам проживания "безгосударственных наций" территориального самоуправления получает достаточно бурное развитие, особенно в последние десятилетия XX в. В качестве ответа на "фламандский вопрос"

в 1993 г. федеративным государством провозглашает себя Бельгия. Политико-территориальное устройство Испании и Италии – формально унитарных государств – сегодня также основывается на принципах федерализма, обусловленных предоставлением автономии "этническим" регионам (таким, как Каталония и Страна Басков в Испании или Южный Тироль в Италии). В Великобритании, формально также не являющейся федерацией, децентрализация власти и расширение самостоятельности Шотландии и Северной Ирландии фактически привели к установлению в конце XX в. квазифедеративной формы государственного устройства. Федерализм был выбран в качестве принципа территориальной организации такого непростого с этнокультурной точки зрения образования, как Босния и Герцеговина. Наконец, и сам Европейский союз также не лишен определенных черт федерации.

За пределами Европы следует выделить Канаду. Федерализм возник здесь еще в XIX в. и уже тогда учитывал своеобразие двух исторически сложившихся частей страны – британской и французской. Рост квебекского национализма, вылившийся в так называемую "Тихую революцию", привел в начале 1980-х годов к конституционной реформе и существенной трансформации федеративных отношений, в том числе повышению самостоятельности франкоязычной провинции Квебек. Другим интересным примером является Индия, перешедшая в ответ на вызовы внутреннего национализма – хотя и не без колебаний – к использованию лингвистического, а затем и этнического критерия формирования субъектов федерации.

Следует обратить внимание на статус субъектов федеративного государства. Это не просто самоуправляемые единицы, а "государствоподобные" образования, обладающие определенной политической самостоятельностью [Kincaid 2011: xxii; Чиркин 2019: 111-112]. У них есть многие атрибуты, характерные в первую очередь для государств – парламентские учреждения, законодательство, официальные символы; часто – конституции, судебные и партийные системы, официальные языки. Предоставление "этническому" региону статуса субъекта федерации или автономии всегда означает юридическую фиксацию (открытую или подразумеваемую) определенной связи между территорией региона и населяющей ее культурной общностью, причем логика Вестфальской системы и националистический дискурс обусловливают восприятие этой связи именно в терминах "принадлежности" [Палермо 2017: 55-57, 63]. "Безгосударственная нация", населяющая такой регион, в результате "получает" *нечто*, хотя и не являющееся государством, но весьма на него похожее – *подобие* государства, *суррогат* национальной государственности. В системе координат, где базовой единицей политического устройства мира по-прежнему считается государство-нация, "этнический" субъект федерации становится несуверенной "облегченной версией" государства-нации, помещенной под суверенитет "настоящего" государства (даже притом, что большинство государств по-прежнему избегают использования слова "нация" применительно к внутренним культурно обособленным территориально-политическим коллективам). Таким образом, *именно государство-нацию можно считать прообразом субъектов федеративного государства (а также территориальных автономий), образованных по этническому признаку*. Появление таких субъектов не только не является аномалией или политико-правовым недоразумением (как это иногда утверждается в литературе), а, на-

против, выступает закономерным продуктом национализма и результатом развития концепции государства-нации и полностью вписывается в логику Вестфальской системы. Соединение двух концепций – государства-нации и демократии – и следует считать идейными истоками многонационального федерализма. В этом отношении он имеет гораздо больше оснований считаться европейским, нежели советским, наследием.

Можно сделать вывод, что федерализм выступил способом достижения компромисса между большинством и меньшинством путем воспроизводства свойств государства-нации в более мелком масштабе. Он не просто учитывает этнические различия между людьми, населяющими разные регионы, а создает каркас для территориальной аккомодации нескольких наций, в том числе "внутренних наций", под суверенитетом одного государства, и в этом случае его правильнее называть именно "*многонациональным*" [3].

Феномен многонациональных государств – проявление неклассической интерпретации государственности [Keating 2001: 19]. В отличие от классической концепции государства-нации, исходящей из одномерности национального сознания и исключительности принадлежности гражданина только к одной нации [Ян 2000: 123], концепция многонациональности постулирует, что этническая и национальная идентичности человека не являются статичными; они подвижны и могут приобретать множественный характер. В отличие от государства-нации, многонациональное государство допускает существование в одном государстве нескольких наций и как результат – многоступенчатое национальное сознание и многоуровневую национальную и гражданскую идентичность. Индивид может одновременно разделять ценности как своей "внутренней нации", так и всего государства как целого. Он может считать себя квебекцем (и даже в первую очередь им) и одновременно канадцем; каталонцем и благодаря этому – испанцем (или наоборот). Важно в данном случае то, что в условиях демократического федерализма общегосударственный национализм не может подчинять себе "малые" национализмы или доминировать над ними, поскольку, как верно заметил Майкл Берджесс, федеральная нация-согражданство не заменяет собой "внутренние нации" и не поглощает их, но существует над ними и поверх них (*over and above*) [Burgess 2012: 25-26].

Впрочем, привычное "вестфальское" восприятие политических границ играет с нами злую шутку, обусловливая известную подмену понятий. Как известно, в условиях демократии носителем власти в субъекте федерации должно выступать все его население, а не только "титульная" этническая или языковая группа. В странах с развитыми демократическими традициями данное противоречие обычно себя не проявляет: "внутренние нации" эволюционировали в них в том же направлении, что и государства-нации, став в большей степени "гражданскими", нежели "этническими". Не отказавшись от использования этнических маркеров национальной идентичности в символическом пространстве, они связывают принадлежность к "нации" (например, к шотландской, квебекской или каталонской) прежде всего с постоянным проживанием гражданина государства в пределах соответствующего региона. Иная ситуация наблюдается в традиционных обществах, где мотивы

[3] "Многонациональным", однако, можно назвать не любой этнический или лингвистический федерализм. Так, не является многонациональным федерализм в Швейцарии, где ни для языковых групп, ни для образованных на их базе кантонов не характерны проявления национализма.

кровного родства и общего предка более сильны для культурной идентификации. Они могут препятствовать включению в круг членов "внутренней нации" людей, происходящих из других культур, поэтому национальная идентичность здесь фактически сливается с этнической. В результате власть в образованном по этническому признаку регионе сконцентрирована в руках лидеров "владеющей" им (в прямом смысле) титульной группы, представители же остальных групп становятся людьми "второго сорта". Именно в этих условиях федерализм приобретает выраженные этнократические черты, не совместимые с принципами демократии. Такая же ситуация наблюдается в странах с недостаточно развитыми демократическими институтами, не способными противостоять этнократическим проявлениям региональных элит.

Сказанное позволяет сделать вывод, что федерализм не является универсальным средством для решения межнациональных конфликтов или гарантией от сецессий. Он не устраняет саму сегментацию общества, а наоборот, "замораживает" межгрупповые различия [Erk, Anderson 2009: 192-193], институционализирует их, придавая им правовое измерение, в результате может создавать новые условия для этнической мобилизации и оказаться не альтернативой сецессии, а лишь очередным шагом на пути к ней. Парадокс федерализма состоит в том, заключает Дональд Горовиц, что в разных ситуациях он "может как усугублять, так и смягчать этнические конфликты" [Horowitz 1985: 603].

Заключение

В академических кругах, вероятно, еще долго будут продолжаться споры о том, чем же в действительности оказался многонациональный федерализм – единственно возможной демократической альтернативой сецессии или "ящиком Пандоры", открытие которого не решило проблему "безгосударственных наций", а лишь на время ее смягчило (в пользу последнего предположения говорят недавние попытки сецессии Шотландии и Каталонии). Представляется, однако, недопустимым описывать многонациональный федерализм исключительно черной краской, считая его неправильным, тупиковым или порочным. Если принять во внимание, что назначение любого федерализма заключается в "формировании некоторой степени единства при сохранении некоторой степени разнообразия" [Kincaid 2011: xxii], многонациональный федерализм перестает быть чем-то из ряда вон выходящим, а, наоборот, выглядит как вполне логичный способ сосуществования в одном государстве нескольких культурно и политически обособленных сегментов [Gagnon 2014; Hechter 2001; Moore 2004; Палермо 2017].

Итальянский правовед Франческо Палермо высказывает предположение, что постнационалистическое мировосприятие с присущим ему признанием множественной принадлежности индивидов и динамического характера идентичности рано или поздно заставит отказаться от восприятия территорий "этнических" регионов как "принадлежности" титульных групп; на смену ему придет их понимание как инструмента управления сложностью (*management of complexity*), направленного на "создание подходящих условий для реализации прав меньшинств и урегулирования вопросов, связанных с этническим многообразием" [Палермо 2017: 65-66].

Представляется вполне резонным переосмысление отечественного федерализма в контексте мирового опыта. Безусловно, федеративные эксперименты

советского периода внесли существенный вклад в становление многонационального федерализма во всем мире, послужив для многих стран если не образцом, то источником вдохновения (именно Россия первой в истории открыто провозгласила себя в 1918 г. “союзом свободных наций”). Вместе с тем, советский федерализм не следует рассматривать изолированно от общеевропейского контекста. Лежащая в основе его нормативной модели идея национальной государственности субъектов, несмотря на ее новаторский характер, находилась в русле тенденций европейского национализма того времени и вполне вписывалась в логику Вестфальской системы. Главной же причиной провала советского федеративного проекта следует признать то, что акцент в нем был сделан именно на этнократической стороне, в жертву которому была принесена демократическая сторона, в результате чего сформировался огромный разрыв между конституционными декларациями и реальными практиками административного управления. Чтобы избавить Российскую Федерацию от ярлыка “советского наследия”, следует, вероятно, рассуждать не о том, необходимо ли упразднить “этнические” регионы, а о том, как сделать федерализм более демократическим, а региональные национализмы (которые, вероятно, следует воспринимать как объективную данность) – более “гражданскими”.

DOI: 10.17976/jpps/2021.01.07

IN SEARCH OF THE ORIGINS OF MULTINATIONAL FEDERALISM

A.N. Mochalov[1]

[1] *Ural State Law University. Yekaterinburg, Russia*

MOCHALOV, Artur Nikolaevich, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Constitutional Law Department, Ural State Law University, email: artur.mochalov@usla.ru

Mochalov A.N. In Search of the Origins of Multinational Federalism. – Polis. Political Studies. 2021. No. 1. P. 94-109. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2021.01.07

Acknowledgements. The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research, grant No. 19-011-00697. The author is grateful for the informative recommendations to Professor A.-G. Gagnon (Montreal, Canada), Professor F. Palermo (Bolzano, Italy), Professor B. Arore (New Delhi, India), Professor K.K. Suan Hausing (Hyderabad, India) and Professor N. Steitler (Cape Town, South Africa).

Received: 04.09.2018. Accepted: 16.10.2020

Abstract. In the article, the author’s approach to multinational federalism through its political and legal understanding of is presented. The author’s considerations are built on a broad set of studies by Russian and foreign scholars as well as theorists of democracy on nationalism and ethnic identity. As a result, the author concludes that multinational federalism is not an anomaly but an outcome of the development of a conception of the nation-state. As a response to the challenges of regional ethnic nationalism, multinational federalism creates an institutional framework which provides limited statehood for a region where a minority ethnic group is concentrated. At the same time, such a region remains within a federal state as its sub-national entity. As a result, individuals belonging to this ethnic group obtain more opportunities in realization of cultural rights and democratic participation in decision-making processes, especially at the regional level. In a discourse of nationalism, a sub-federal entity with a dominant separate ethnic group can be regarded as a semblance of nation-state; its population with its own cultural distinctions can be described in terms of “internal nation”. The author states that multinationalism (or pluri-nationalism) is a non-classic mode of statehood. In contrast to a nation-state, this means that national identity is not static, but can change over time and can be multitudinous. From this point of view, a state is not the same as a nation and can compress several “internal” nations. Multinational federalism

creates a framework for multiple citizenship and a plural civil and national identity. The author also believes that Russian federalism should be rethought in the light of abovementioned considerations. In the growing understanding of federal arrangements, attention must be paid to their democratic potential.

Keywords: multinational federalism, pluri-national federalism, ethnic federalism, ethnicity, identity, nationalism, nation-state, nation, state territory, democracy, minorities, discourse.

References

Anderson L. 2016. Ethnofederalism and the Management of Ethnic Conflict: Assessing the Alternatives. – *Publius. The Journal of Federalism*. Vol. 46. No. 1. P. 1-24. https://doi.org/10.1093/publius/pjv019

Barrington L.W. 1997. "Nation" and "Nationalism". The Misuse of Key Concepts in Political Science. – *Political Science and Politics*. Vol. 30. No. 4. P. 712-716. https://doi.org/10.1093/publius/pjv019

Burgess M. 2012. Multinational Federalism in Multinational Federation. – *Multinational Federalism. Problems and Prospects*. Ed. by M. Seymour, A.-G. Gagnon. London, New York: Palgrave Macmillan. P. 23-44. https://doi.org/10.1057/9781137016744_2

Connor W. 1994. *Ethnonationalism. The Quest for Understanding*. Princeton: Princeton University Press. 234 p.

Dahl R. 1983. Federalism and the Democratic Process. – *Nomos*. Vol. 25. P. 95-108.

Erk J., Anderson L. 2009. The Paradox of Federalism: Does Self-Rule Accommodate or Exacerbate Ethnic Divisions? – *Regional & Federal Studies*. Vol. 19. No. 2. P. 191-202. https://doi.org/10.1080/13597560902753388

Ethnicity: Theory and Experience. 1975. Ed. by N. Glazer, D.P. Moynihan. Cambridge: Harvard University Press. 531 p.

Gagnon A.-G. 2014. *Minority Nations in the Age of Uncertainty. New Paths to National Emancipation and Empowerment*. Toronto: University of Toronto Press. 176 p. https://doi.org/10.3138/9781442621251

Hechter M. 2001. *Containing Nationalism*. N.Y.: Oxford University Press. 256 p.

Horowitz D. 1985. *Ethnic Groups in Conflict*. Berkley: University of California Press. 698 p.

Keating M. 2001. *Plurinational Democracy. Stateless Nations in a Post-Sovereignty Era*. Oxford: Oxford University Press. 198 p.

Kincaid J. 2011. Editor's Introduction: Federalism as a Mode of Governance. – *Federalism. Vol. 1. Historical and Theoretical Foundations of Federalism*. Ed. by J. Kincaid. L.: Sage Publ. P. xxi-xxxv. http://dx.doi.org/10.4135/9781446261620

Kymlicka W. 2001. *Minority Nationalism and Multinational Federalism. – Politics in the Vernacular: Nationalism, Multiculturalism and Citizenship*. Oxford: Oxford University Press. P. 91-119. https://doi.org/10.1093/0199240981.003.0006

McGarry J., O'Leary B. 2007. Federations and Managing Nations. – *Multinational Federations*. Ed. by M. Burgess, J. Pinder. L., N.Y.: Routledge. P. 180-211.

Moore M. 2004. Sub-State Nationalism and International Law. – *Michigan Journal of International Law*. Vol. 25. No. 4. P. 1319-1340.

Murphy A.B. 1989. Territorial Policies in Multiethnic States. – *Geographical Review*. Vol. 79. No. 4. P. 410-421. https://doi.org/10.2307/215115

Watts R. 2007. Multinational Federations in Comparative Perspective. – *Multinational Federations*. Ed. by M. Burgess, J. Pinder. L., N.Y.: Routledge. P. 225-247. https://doi.org/10.4324/9780203964514

Abdulatipov R.G., Mikhailov V.A. 2014. Federal Democracy and the Multinational Country Unity. – *Publichnoe i chastnoe pravo*. No. 3. P. 7-18. (In Russ.)

Altermatt U. 2000. Das Fanal von Sarajevo. Ethnonationalismus in Europa (Russ. ed.: Altermatt U. *Etnonatsionalizm v Evrope*. Moscow: Russian State University of Humanities. 367 p.).

Anderson B. 2016. Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism (Russ. ed.: Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranenii natsionalizma*. Moscow: Kuchkovo pole. 416 p.).

Avksent'ev V., Vasil'chenko V. 2013. The Impasses of Ethnic Federalism. – *Observer*. No. 10. P. 6-15. (In Russ.)

Boltenkova L.F. Ryabova E.I. 2016. Federalism as a Guarantee of Stability of the Russian Nationhood. – *Etnosotsium i mezhnatsional'naya kul'tura*. No. 5. P. 90-104. (In Russ.)

Brubaker R. 2012. Ethnicity without Groups (Russ. ed.: Brabaker R. *Etnichnost' bez grupp*. Moscow: HSE Publ. 408 p.).

Chirkin V.E. 2019. *Territorial Organization of Public Governance*. Moscow: Norma, Infra-M. 208 p. (In Russ.)

Drobizheva L.M. 2001. Ethnicity in the Modern Society. Ethnic Policy and Social practices in the Russian Federation. – *Mir Rossii*. No. 2. P. 167-180. (In Russ.)

Farukshin M.Kh. 2017. Institutional Foundations of Ethnic Federations. – *Polis. Political Studies*. No. 2. P. 103-107. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.07

Filippov V.R. 2003. *Kritika etnicheskogo federalizma* [Critics of Ethnic Federalism]. Moscow: Centre for Civilisational and Regional Studies of the Russian Academy of Sciences. 379 p. (In Russ.)

Gellner E. 1991. Nations and nationalism (Russ. ed.: Gellner E. *Natsii i natsionalizm*. Moscow: Progress. 319 p.).

Hobsbawm E. 1998. Nations and Nationalism since 1780 (Russ. ed.: Hobsbawm E. *Natsii i natsionalizm posle 1780 goda*. Saint Petersburg: Aletheia. 306 p.).

Khabrieva T.Ya. 2010. *Sovremennye problemy samoopredeleniya etnosov. Sravnitel'no-pravovoe issledovanie* [The Modern Problems of Ethnic Self-Determination. A Comparative-Law Study]. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law. 288 p. (In Russ.)

Malakhov V.S. 2011. National State, National Culture and Cultural Sovereignty. – *Voprosy filosofii*. No. 9. P. 87-94. (In Russ.)

Mart'yanov V.S. 2011. The Rhetoric on Identity in the Conditions of Modern: Who Benefits from It? – *Sotsium i vlast'*. No. 4. P. 61-65. (In Russ.)

Palermo F. 2017. Territories, Ownership, Minorities: Back to Basics and the Way Forward. – *Russian Juridical Journal*. No. 6. P. 49-69. (In Russ.)

Pushkareva G.V. 2017. Ideas and Values as a Method of Constructing Symbolic Space of the National Identity. – *Polis. Political Studies*. No. 5. P. 156-173. (In Russ.) https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.11

Semenenko I.S. 2013. Social and Cultural Modernization and a Conflict of Identities. – *The "Rossiya reformiruyushchayasya" Yearbook*. Vol. 12. P. 111-131. (In Russ.)

Semenenko I.S. 2015. Nations, Nationalism, National Identity: New Dimensions in Academic Discourse. – *World Economy and International Relations*. No. 11. P. 91-102. (In Russ.)

Semenenko I.S., Lapkin V.V., Pantin V.I. 2010. Identity in the System of Coordinates of World Development. – *Polis. Political Studies*. No. 3. P. 40-59. (In Russ.) URL: https://www.politstudies.ru/article/4278 (accessed 05.12.2020).

Starostina I.A. 2016. Political and Legal Issues of Ethnic Federalism in the Way of Formation of the Russia's National Development Strategy: Constitutional and Legal Aspects. – *Constitutional and Municipal Law*. No. 11. P. 47-49. (In Russ.)

Tishkov V.A. 2003. *Rekviem po etnosu: issledovaniya po sotsial'no-kul'turnoi antropologii* [Requiem for an Ethnos: The Social and Cultural Anthropology Studies]. Moscow: Nauka Publ. 544 p. (In Russ.)

Tishkov V.A. 2009. National Identity (on the Sense of the Debates). – *Vestnik rossiiskoi natsii*. No. 1. P. 33-43. (In Russ.)

Tishkov V.A. 2016. From Ethnos to Ethnicity and After. – *Etnograficheskoe obozrenie*. No. 5. P. 5-22. (In Russ.)

Yack B. 2017. Nationalism and the Moral Psychology of Community (Russ. ed.: Yack B. *Natsionalizm i moral'naya psikhologiya obshchestva*. Moscow: Izd-vo Instituta Gaidara. 520 p.).

Yan E. 2000. State and Ethnic Understanding of Nation: Contradictions and Similarities. – *Polis. Political Studies*. No. 1. P. 114-123. (In Russ.)

Литература на русском языке

Абдулатипов Р.Г., Михайлов В.А. 2014. Федеративная демократия и единство многонациональной страны. – *Публичное и частное право*. № 3. С. 7-18.

Авксентьев В., Васильченко В. 2013. Тупики этнического федерализма. – *Обозреватель – Observer*. № 10. С. 6-15.

Альтерматт У. 2000. *Этнонационализм в Европе*. М.: РГГУ. 367 с.

Андерсон Б. 2016. *Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма*. М.: Кучково поле. 416 с.

Болтенкова Л.Ф. Рябова Е.И. 2016. Федерализм как гарантия устойчивости российской государственности. – *Этносоциум и межнациональная культура*. № 5. С. 90-104.

Брубейкер Р. 2012. *Этничность без групп*. М.: Издательский дом Высшей школы экономики. 408 с.

Геллнер Э. 1991. *Нации и национализм*. М.: Прогресс. 319 с.

Дробижева Л.М. 2001. Этничность в современном обществе. Этнополитика и социальные практики в Российской Федерации. – *Мир России*. № 2. С. 167-180.

Малахов В.С. 2011. Национальное государство, национальная культура и культурный суверенитет. – *Вопросы философии*. № 9. С. 87-94.

Мартьянов В.С. 2011. Риторика идентичности в условиях модерна: кому выгодно? – *Социум и власть*. № 4. С. 61-65.

Палермо Ф. 2017. Территории, меньшинства и "право владения": взгляд в прошлое и путь в будущее. – *Российский юридический журнал*. № 6. С. 49-69.

Пушкарева Г.В. 2017. Идеи и ценности как способ конструирования символического пространства национальной идентичности. – *Полис. Политические исследования*. № 5. С. 156-173. https://doi.org/10.17976/jpps/2017.05.11

Семененко И.С. 2013. Социокультурная модернизация и конфликт идентичностей. – *Россия реформирующаяся*. № 12. С. 111-131.

Семененко И.С. 2015. Нация, национализм, национальная идентичность: новые ракурсы научного дискурса. – *Мировая экономика и международные отношения*. № 11. С. 91-102.

Семененко И.С., Лапкин В.В., Пантин В.И. 2010. Идентичность в системе координат мирового развития. – *Полис. Политические исследования*. № 3. С. 40-59. URL: https://www.politstudies.ru/article/4278 (accessed 05.12.2020).

Старостина И.А. 2016. Политико-правовые проблемы этнического федерализма на пути формирования стратегии национального развития России: конституционно-правовые аспекты. – *Конституционное и муниципальное право*. № 11. С. 47-49.

Тишков В.А. 2003. *Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии*. М.: Наука. 544 с.

Тишков В.А. 2009. Национальная идентичность (о смысле дебатов). – *Вестник российской нации*. № 1. С. 33-43.

Тишков В.А. 2016. От этноса к этничности и после. – *Этнографическое обозрение*. № 5. С. 5-22.

Фарукшин М.Х. 2017. Институциональные основы этнических федераций. – *Полис. Политические исследования*. № 2. С. 103-107. https://doi.org/10.17976/jpps/2017.02.07

Филиппов В.Р. 2003. *Критика этнического федерализма*. М.: ЦЦРИ РАН. 379 с.

Хабриева Т.Я. 2010. *Современные проблемы самоопределения этносов. Сравнительно-правовое исследование*. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ. 288 с.

Хобсбаум Э. 1998. *Нации и национализм после 1780 года*. СПб.: Алтейя. 306 с.

Чиркин В.Е. 2019. *Территориальная организация публичной власти*. М.: Норма, Инфра-М. 208 с.

Як Б. 2017. *Национализм и моральная психология сообщества*. М.: Изд-во Института Гайдара. 520 с.

Ян Э. 2000. Государственное и этническое понимание нации: противоречия и сходство. – *Полис. Политические исследования*. № 1. С. 114-123.